увидавших перед собою, после неизвестности, Соловецкие острова. Они обрадовались, так как узнали место, где они находятся, но их охватывает и страх, так как не знают, как пристать к берегу: их могут раздавить льды. И вот эта напряженность — спасение вот оно — рядом, но достигнуть его почти невозможно — характерна для всего рассказа. Рассказчик говорит, что они настолько приблизились к острову, «яко уже нам и брег видети», но у берега этого лед стоит «аки стена высока». И, обращаясь к святым, все в отчаянии восклицают: «В пучине бо бывше не погрязнухом, се ныне у острова вашего видите нас погибающих».

Если мы отвлечемся от видений и знамений, то ничего чудесного в этих «чудесах» не останется. Перед нами — яркие рассказы о реальных случаях из быта поморов. Кстати сказать, поморы, среди которых грамотность была распространена очень широко, часто сами оставляли записи о «гибельных случаях» на Белом море, и записи эти очень близки к рассказам о чудесах этого же плана в севернорусских житиях.[27] Итак, мы можем сказать, что ряд чудес в житиях — особенно заметно проявилось это в севернорусских житиях — носил характер сюжетных, увлекательных рассказов со сложными перипетиями, с отражением человеческих эмоций, чувств и переживаний. Такого рода чудеса не только и даже не столько прославляли святых, т. е. выполняли церковно-служебную функцию, сколько удовлетворяли потребность людей в чтении как в акте и эмоционально-эстетическом, а не только нравственно-назидательном.

Уже в самых ранних русских житиях, когда говорилось об уходе святого в пустыню, об избрании места для будущего монастыря, агиограф кратко описывал это место. В многочисленных житиях о строителях северных русских монастырей характеристики эти также кратки, но в них возникает уже и определенная лиричность, так как наряду с чисто внешним описанием появляется и эмоциональная оценка избранного святым места для будущего монастыря: «И прииде на некое местцо мало, зовомое от древних человек Сыпаново, близ реки Солоницы и на речке Гридевке. Местьцо же оно вельми красно кругом, убо обыде речка Гридевка и впаде в реку Солоницу» (из Жития Пахомия Нерехтского).[28] «...последи же прииде, богом наставляем, на место то, иде же есть ныне монастырь стоит во имя святаго Николы на езере Комельском. Место же оно не вельми красно, паче же реку — и унывно: страну убо езеро Комельское, вскрай же езера место равно суть, иде же преподобный вселися, древеса бо сосны превеликие, ели убо и березник угодны суть к строению церковному и никому же прежде тут от человек живущи» (из Жития Стефана Комельского).[29] «Бяше же место горы тоя невелико зело, но всяким ягодичием и древесием исполнено, и велми бе красна, но прежде никому же от человек тамо на ней пребывающу» (из Жития Кирилла Челмогорского).[30]

Наряду с этими краткими, статичными и, в общем-то, чисто иллюстративными зарисовками природы появляются в севернорусских житиях и более развернутые описания пейзажа, при этом природа изображается в динамике. Характерно, что такого рода описания, так же как и наиболее интересные чудеса, связаны с картинами Севера, Белого моря. Среди чудес, внесенных в Житие Савватия и Зосимы Соловецких, во второй

---

[27] Ср. приведенную С. Максимовым запись, оставшуюся после двух погибших крестьян, вынужденных зазимовать на небольшом островке в Белом море (С. Максимов. Год на Севере, т. 1. СПб., 1859, стр. 176—178); ср. также рассказ Б. Шергина «Кроткая вода», построенный на сообщении о «гибельном случае» жителя Неноксы Афанасия Тячкина (Б. Шергин. Запечатленная слава. М., 1967, стр. 177—183).

[28] ГИМ, Синодальное собр., № VI, л. 141.

[29] Житие Стефана Комельского. СПб., 1892, стр. 7.

[30] ГИМ, собр. Черткова, № 436, л. 2.